

Народные мемуары

Марина ЧЕРНЫХ

ХАРЬКОВСКИЙ ДНЕВНИК — 2014

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

А. Блок

Вместо вступления

Я родилась в городе Новая Каховка Херсонской области, где и прошло мое детство. Когда мне было десять лет, семья переехала в Донбасс, в город Славянск. Там я окончила школу, а затем поступила в Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина. В Харькове встретила своего будущего мужа Андрея Черных. Будучи еще студентами, мы поженились и планировали после завершения учебы остаться жить и работать в Харькове. Но судьба сложилась иначе...

В основу очерка легли дневниковые записи 2014 года. Имена главных героев и некоторые факты их биографий изменены из этических соображений. Те части, в которых рассказывается о событиях в Славянске, записаны по рассказам моих родителей.

Декабрь 2013 — январь 2014 года, Харьков

Не сразу и не всем жителям Донбасса стало ясно, что события в Киеве зимой 2013—2014 года¹ приведут к распаду страны. Люди просто не принимали всерьез протесты на Майдане, хотя уже тогда многие факты вызывали подозрение.

В декабре 2013 года мы с мужем смотрели по ТВ выступление председателя политсовета Всеукраинского объединения «Батькивщина» Арсения Яценюка, обещавшего украинцам со сцены Майдана золотые горы в виде европейских пенсий и зарплат.

— Вместо европейских зарплат получим европейские налоги и европейскую коммуналку, — хмыкнул Андрей. — Но это неважно, ударит мороз покрепче, и они все разбегутся.

Я была с ним полностью согласна. Мы успешно сдали сессию, впереди были новогодние праздники и каникулы. Научный руководитель Андрея уже намекал, что возьмет его в аспирантуру. Впереди нас ожидали приятные хлопоты. Не хотелось задумываться о сомнительных политических играх.

Однако вскоре иллюзия благополучия исчезла. В Киеве совершился государственный переворот. По Западной Украине прокатилась волна захватов административных зданий сторонниками евроинтеграции, ведомыми националистами. При негласном попустительстве местных властей и СБУ они дрались с милицией, ломали исторические памятники и агрессивно продвигали свои идеи. Многие телеканалы и интернет-СМИ горячо одобряли протестующих против президента Виктора Януковича. Одновременно в восточных регионах Украины набирал силу Антимайдан.

23 февраля 2014 года, Харьков

В ночь на 23 февраля в Харькове майдановцы захватили городскую администрацию и пытались сломать памятник Ленину. Была потасовка. На стороне майдановцев выступили анархисты. Для меня было странно видеть их в одной толпе с националистами. Пока муж пошел посмотреть, что там происходит, я отправилась по магазинам — хотела сделать ему подарок к мужскому празднику.

Вечером мы отмечали День защитника Отечества. Супруг рассказал, что памятник Ленину «прогрессивные европейцы» облили краской. Недовольные этим горожане стали отмывать памятник. Когда Андрей подошел и предложил помочь, одна пожилая женщина протянула ему тряпку и ацетон.

¹ В ноябре 2013 года на Украине начались события, которые называют Евромайданом, или Майданом. В это время начались гражданские протесты против приостановки подписания Украиной соглашения об ассоциации с Евросоюзом. В январе — феврале 2014 года они переросли в массовые акции неповиновения, переходившие в кровавые стычки между сторонниками и противниками Евромайдана, а позже и милицией.

Чтобы круглосуточно охранять монумент, вокруг памятника построили баррикаду. Еще Андрей узнал, что сторонники Майдана засели напротив памятника, в здании Харьковской областной государственной администрации, и забаррикадировались. Их костяк составляли приезжие, но там встречались и харьковчане.

В общем и целом я гордилась своим мужем, радовалась тому, что еще не перевелись разумные люди, и удивлялась, как можно не видеть очевидного: воинствующие борцы за евроинтеграцию Украины не только преступны, но и не очень умны.

24 февраля 2014 года, Харьков

На следующий день, перед началом занятий в университете, я решила сама посмотреть, что происходит на площади. Вокруг памятника была выстроена баррикада и дежурили крепкие мужчины средних лет в теплой одежде. По ночам еще держались морозы, поэтому защитники памятника Ленину в центре площади находились в невыгодном положении по сравнению со своими противниками, занявшими здание областной администрации.

В университете преподаватели — сторонники евроинтеграции и «новых порядков» — не скрывали своего торжества: один из них (с кафедры микологии — это наука о грибах) участвовал в захвате администрации и провел там ночь.

Мы с Андреем, а также наш однокурсник и друг Никита решили вместо третьей пары пойти на разведку. Центр огромной площади Свободы был занят не очень большим количеством пенсионеров, студентов и праздных зевак. Какой-то парень раздавал георгиевские ленточки. Женщины повязывали их на сумки, мужчины с гордостью прикалывали к груди. Баррикада была украшена самодельными лозунгами: «Памятник — не взяточник», «Русский язык — наш родной язык», «Харьков — не Киев», «Нет вандалам», «Оставьте историю нашим детям, ее вам не изменить», «Мы тоже народ Украины».

Спустя некоторое время мы снова пошли посмотреть, что происходит возле захваченного здания, и были удивлены. На этот раз баррикаду охраняли молодые парни в ярко-оранжевых касках, большинство с закрытыми лицами. Людей старшего возраста было мало. Место георгиевских ленточек заняли желто-голубые (цвета украинского государственного флага. — *Ред.*). Несколько пенсионеров — сторонниц Антимайдана — специально пришли увещевать «евроцентричную» молодежь. Дискуссия зашла в тупик, но народ с обеих сторон был настроен мирно.

Мы решили проникнуть внутрь здания администрации. Вход сторожили крепкие парни и мужчина средних лет — очевидно, их старший. Нас пропустили, предварительно попросив показать содержимое сумок. Обстановка за дверями напоминала бивак — в холле на столе разбросаны чайник, чашки, каски, бумаги. По стенам развешаны

лозунги и плакаты, которые я не разглядела. После того как нас молча изучили, к нашим парням подошел мужчина, очевидно один из командиров, и предложил им вступить в ряды «самообороны».

Путь в сердцевину здания был перекрыт турникетом. Я чувствовала себя неудобно. Мне казалось, что, если я выдам свое негативное отношение к Майдану, с нами сделают что-то плохое. К счастью, вскоре мы оттуда ушли. Настало время возвращаться на учебу.

1 марта 2014 года, Харьков

Еще за неделю до событий 1 марта (1 марта 2014 года Совет Федерации России одобрил обращение президента Владимира Путина и дал согласие на использование Вооруженных сил РФ на территории Украины. — *Ред.*) в сети разошлась информация о грядущем грандиозном митинге на площади Свободы. Ожидалось выступление мэра Харькова Геннадия Кернеса. Большинство горожан надеялось, что местные власти займут четкую позицию по отношению к двум враждующим лагерям.

Мы с Андреем хотели с утра прогуляться до центра города и узнать новости, но проспали и подошли к площади около полудня. Еще на подходе меня удивили тишина и спокойствие на улицах. Немногочисленные прохожие, в основном мамы с детьми или гуляющие подростки, ничем не нарушали обычной картины дня.

Подойдя поближе, мы услышали усиленные акустической аппаратурой звуки речи. Многократно отражаясь от окрестных зданий, они создавали какофонию, в которой было ничего невозможно разобрать. Весь центр огромной площади был заполнен людьми. Над митингом реяли российские флаги. Мы потолкались в толпе, пытаясь разобраться в общественных настроениях. Вроде ничто не предвещало обострения ситуации, однако муж настоял, чтобы я вернулась домой. В феврале мы узнали, что ждем ребенка, и Андрей заботился, чтобы я не переутомлялась.

Я прошла мимо зоопарка и спустилась к супермаркету «Класс», чтобы прикупить печенье к чаю. Выйдя с пакетом, я от испуга выронила его: по направлению к площади мчались три машины скорой помощи с включенной сиреной и проблесковыми огнями. Беспокойство за супруга погнало меня назад. По пути я несколько раз пыталась дозвониться до Андрея, но он не отвечал.

Внезапно улица пустела. Навстречу мне бежала перепуганная женщина, кричавшая в телефон: «Ужас что происходит! Война началась!» Эти слова заставили меня ускорить шаг.

Обстановка на площади изменилась. Люди окружили баррикаду вокруг памятника Ленину. Они сомкнулись так плотно, что я не смогла подойти близко. С баррикады что-то выкрикивал невидимый из-за толпы оратор. Теперь аппаратуру почему-то отключили и не было никакой возможности разобрать его слова. Другой оратор пытался

руководить толпой со сцены, но никто не обращал на него внимания. Главные события происходили вокруг администрации. Я поняла, что здание было взято штурмом, и почувствовала тревогу: мой муж не из тех, кто во время таких событий будет стоять в стороне. Тут раздались крики:

— Ведут! Ведут!

— На колени! Бандерлогов на колени!

— Прочь из Харькова!

— Коридор позора! Устроим коридор позора! На колени бандерлогов!

Толпа расступилась и по образованному людьми «коридору позора» сотрудники милиции вывели помятых активистов Евромайдана. Те находились в довольно плачевном состоянии, некоторых почти несли. Мне было искренне жаль совсем юного паренька с окровавленной головой. По возрасту он мог быть школьником или студентом-первокурсником. Юноши такого возраста не могут предвидеть всех последствий своих поступков, им просто нравится играть в революционеров.

Люди вокруг были охвачены каким-то радостным и злым возбуждением. Некоторые окружили автомобили скорой помощи и милиции и требовали выдать евромайдановцев для расправы. Милиция подобные действия пресекала. Творилось что-то неопишное. Люди почувствовали свою власть, им хотелось действовать.

Когда в разбитом окне второго этажа администрации показался российский триколор, его появление было встречено аплодисментами и радостными криками. Немного позже рядом с ним повесили красный флаг.

Я пыталась поближе подобраться к зданию, а потом вернулась к баррикаде. Беспокойство за Андрея не оставляло меня, и я тщетно набирала его номер телефона. Внезапно он позвонил сам:

— Ты где?

— Возле баррикады, справа.

— Я сейчас подойду.

Издали я заметила в его руке оранжевую каску евромайдановца и догадалась, что Андрей принимал участие в штурме. Когда он подошел ближе, я испуганно вскрикнула — его правая рука была залита кровью. Я знала, что на баррикаде есть аптечка, окликнула ребят, стоявших там, и мне дали бинт. Мы отошли в сторону, чтобы без помех осмотреть рану. Тут к нам подскочила какая-то женщина. Она воскликнула:

— На баррикаде есть врач! Раненого нужно к доктору!

Дама потащила Андрея внутрь баррикады со словами: «Пропустите раненого!» Мне пришлось остаться снаружи. Вход контролировали два крепких парня, которые отгоняли любопытных и впускали «своих». Один из них принялся раздавать георгиевские ленточки, и я взяла для нас две. Стояла невообразимая суматоха, меня толкали, парень из оцепления шутил, успокаивал напивавших женщин

и обсуждал с ними последние слухи. Через полчаса вернулся перевязанный Андрей. У него оказался сильный порез руки.

Мы уже почти выбрались из толпы, когда низко над городом пролетели два военных самолета. Их встретили аплодисментами и радостными криками: «Наши идут! Россия придет!» Наверное, в душе каждого присутствовавшего на площади всколыхнулась надежда на спасительное вмешательство России. Почву для таких ожиданий давали стремительно развивающиеся события в Крыму.

Как поведал Андрей, штурм начался после того, как кто-то из евромайdanовцев распылил на сотрудников правопорядка газовый баллончик. Тогда милиционеры перестали сдерживать толпу и люди снесли баррикады, выбили в здании областной администрации двери и окна. Внутри полетели дымовые шашки. Андрей стоял в стороне рядом с группой мужчин. К ним подошел милиционер и сообщил, что майdanовцы убегают через выход с другой стороны здания. Супруг вместе с другими добровольцами побежал, чтобы перехватить их. Во внутреннем дворе возле служебного входа валялись брошенные оранжевые каски и была выворочена брусчатка — видно, оппоненты готовились к штурму. Обнаружив, что задняя дверь заложена изнутри, нападающие стали выбивать окна. Влезая в разбитое окно, Андрей и порезал руку.

Мужчины бросились обыскивать здание. Андрей и еще несколько антимайdanовцев спустились в подвал. Одна дверь там была заперта, но за ней горел свет. Взлом показал, что за дверью никого нет, а потом штурм кончился...

После такого насыщенного событиями дня я как-то резко ощутила усталость и тяжесть сумки с покупками. По дороге домой нам пришлось пробиваться через плотный человеческий поток, текущий с площади. Противники Евромайdanа шли освобождать здание клуба «Оплот», захваченное их оппонентами накануне.

Чуть позже я смотрела любительское видео из освобожденного клуба: сломанная мебель, разрисованные стены, испорченная карта СССР. В здании не осталось ничего целого, как будто там побывали не люди, а какие-то бандерлоги. Моя неприязнь к Майдану росла как на дрожжах.

Март 2014 года, Харьков

В марте ситуация в Харькове оставалась зыбкой и неопределенной. После успешного штурма активисты Антимайdanа добровольно очистили областную администрацию. Неделью здание оставалось «ничейным». Потом его снова заняли антимайdanовцы, провозгласившие Харьковскую народную республику.

Мое отношение к этим событиям было неоднозначным. С одной стороны, я сочувствовала новообразованной республике, а Майдан надоел хуже горькой редьки. С другой стороны, здравый смысл говорил,

что такими действиями добиться успеха нельзя. Все происходившее напоминало эпизод из трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам», когда анархисты пытались захватить власть в Москве. Даже мне, человеку неискушенному в тактике, было понятно, что просто занять здание областной администрации для удержания контроля над городом недостаточно.

Больше мы в этом «хождении» не участвовали. Андрей простудился и заболел. О штурме здания администрации силами милиции и аресте активистов Антимайдана мы узнали из интернет-новостей. Как бы ни хотелось отрицать очевидное, попытка провозглашения Харьковской народной республики потерпела поражение.

Некоторое время администрацию круглосуточно охраняли спецназовцы в полной экипировке: со щитами, дубинками, в бронежилетах и касках. Что случилось с памятником В. И. Ленину, спросите вы? В один из теплых дней начала апреля баррикада вокруг монумента и люди, дежурившие там, тихо исчезли. О памятнике на время забыли (памятник Ленину в Харькове был разрушен украинскими националистами 28 сентября 2014 года).

Апрель 2014 года, Харьков

В середине апреля к нам в гости приехали мои мама и папа. Они подарили кроватку для будущего малыша, помогли переставить мебель в квартире. Весь день прошел в семейных хлопотах, не было времени даже посмотреть новости. Вечером позвонил наш знакомый и тревожным голосом поинтересовался, что происходит в Славянске. Андрей зашел в интернет, и мы узнали, что народ, недовольный новой киевской властью, захватил здание управления МВД, у протестующих есть оружие, а в городе возводятся баррикады и блокпосты. В те же дни мы впервые услышали имена лидеров пророссийской оппозиции Славянска Игоря Стрелкова и Вячеслава Пономарева.

Май 2014 года, Славянск

До начала мая в Донбассе еще сохранялась надежда на мирный исход событий. Никто не воспринимал всерьез угрозу войны.

День 1 мая прошел спокойно. Я созвонилась с родителями, мы поздравили друг друга с праздником. Мама с папой гуляли в парке и ели мороженое. Переломной датой стало 2 мая. В 4:30 утра (почти как на западе СССР 22 июня 1941 года!) город подвергся обстрелу со стороны авиации ВСУ. Отец все равно собирался идти на работу, но ему позвонил начальник и велел оставаться дома.

Ситуация развивалась от плохого к худшему. В тот же день в Одессе фашиствующие активисты Евромайदानа живьем жгли своих противников, запертых в Доме профсоюзов. Тех, кто сумел выбраться

из горящего здания, забивали насмерть на месте. Немногие уцелевшие от расправы были арестованы по надуманным обвинениям. По официальной версии, активисты Антимайдана якобы сами подожгли Дом профсоюзов. Приверженцы Евромайдана не скрывали животную радость по поводу этой кровавой драмы. На интернет-странице харьковского Евромайдана были размещены веселые комиксы про «угарную вечеринку колорадов» и видео, на котором толпа националистов превзошла все пределы жестокости, а от торжествующих комментариев к их зверствам пробирал озноб. В этот день все несогласные с киевским режимом содрогнулись от гнева и бессилия.

Несмотря на начавшиеся обстрелы, мои родители и наши знакомые в Славянске сохраняли спокойствие. В начале мая все желающие могли без особых препятствий покинуть город. Однако большинство жителей питали иллюзии по поводу мирного урегулирования конфликта. Первые посланные в Славянск украинские солдаты воевать не захотели и даже отдали ополченцам два БТР. Жители окраин выходили на дороги, чтобы своими телами остановить боевую технику ВСУ. Ополченцы надеялись, что, когда дойдет до прямого столкновения с войсками, будет достаточно жечь покрышки и бросать камни, как это было в Киеве. Но этим надеждам не было суждено сбыться.

11 мая 2014 года в Донецкой и Луганской областях состоялся референдум о самоопределении (отделении от Украины). Родители пришли на избирательный участок рано, но им все равно пришлось стоять в очереди. Все наши соседи и знакомые в те дни поддерживали создание Донецкой народной республики. Несмотря на продолжающиеся военные действия, настроение у жителей Донбасса было бодрое. Многие шутили, что Славянск станет столицей ДНР.

Также была сильна надежда на заступничество России. Ожидалось, что президент РФ Владимир Путин введет в Донбасс миротворческий контингент и война тут же прекратится. Украине образца 2014 года было не по силам воевать с регулярной армией России. Однако 25 мая положение ополченцев сильно ухудшилось. Они потеряли выгодную стратегическую позицию — гору Карачун. Славянск находится в низине и виден с этой горы как на ладони. Украинские войска подтянули туда артиллерию и начали непрерывные обстрелы города.

В результате массовой бомбардировки перестал работать водопровод, некоторые районы остались без электричества. Родителям приходилось ходить к соседям просить воду — в нашем колодце вода была ржавая, перенасыщенная железом. Поскольку банки закрылись еще в начале мая, появился дефицит наличных денег. Чтобы купить продукты, родители ездили в центр города или в микрорайон Артема. Там сохранилось электричество и в супермаркетах можно было расплатиться банковской картой. Покупали продукты длительного хранения, иногда немного мяса и корм для кошки. С огородом в этом году по понятным причинам возиться не стали.

В первые дни во время обстрелов в припаркованных по городу машинах срабатывала сигнализация, а в церквях начинали звонить в колокола. Однако спасения это не приносило — артобстрелы начинались внезапно и у застигнутых врасплох людей не хватало времени спрятаться.

Район, где проживали мои родители, основной целью артобстрелов не являлся, там не было важных стратегических объектов. Но 30 мая и на нашей улице взорвался снаряд. В результате пожилой мужчина погиб на месте, еще пять человек получили ранения. Один из осколков попал в сливу возле нашего дома, другие испортили крышу. В крепости дома мы не сомневались: дом с каменными стенами метровой толщины выстоял в Великую Отечественную войну. Прямого попадания могла не выдержать крыша. Не говоря о том, что маме и папе было необходимо выходить за продуктами или чтобы позвонить. Еще в середине мая возникли перебои со связью. Чтобы поговорить по телефону, родителям приходилось выходить на открытое место, где проходили заброшенные железнодорожные пути. После отключения электричества мама стала экономить заряд телефона, включая его только для звонков.

Началось повальное бегство жителей. Многие люди уходили, оставляя жилье, вещи и домашних животных. Улицы заполнили брошенные голодные собаки и кошки...

9 мая 2014 года, Харьков

Перед 9 мая в Харьков привезли бойцов бывшего «Беркута»². Среди них был один мой знакомый. Зимой он участвовал в противодействии Майдану в Киеве. После смены власти «беркутовцев» уволили, затем приняли обратно, но уже в новую структуру. А сейчас прислали в Харьков для подавления возможных беспорядков.

Утром 9 мая мы с Андреем отправились в центр города. День был ясный и солнечный. Подойдя к площади, мы увидели, как группа рабочих разбирает сцену. Городские власти решили не проводить концерт по случаю «неполиткорректного» праздника — Дня Победы. Также были отменены традиционный парад и выставка военной техники.

Дойдя до парка Шевченко, мы отметили, что посетителей не больше, чем в обычный выходной. Чуть поодаль находилась группа празднично одетых и ждущих торжественного шествия людей. Вскоре показалась колонна демонстрантов. Заиграл духовой оркестр. Мы шагали вместе со всеми. Люди несли огромную георгиевскую ленту и красные флаги. Во главе колонны со знаменами Победы шествовали ветераны войны.

² «Беркут» — подразделения милиции специального назначения при территориальных управлениях Министерства внутренних дел Украины, существовавшие с 1992 по 2014 год.

У памятника Ленину прошел митинг. Звучали давно знакомые лозунги: «Харьков — русский город!», «Одессу не простим!». Затем участники митинга прошли по проспекту Ленина до станции метро «23 Августа» к памятнику Воину-освободителю. Путь был неблизкий — три станции метро, поэтому до конца дошло не больше половины демонстрантов.

Несмотря на флаги, ленты и оркестр, мы с Андреем в тот день окончательно уверились, что проект Харьковской народной республики провалился. Просто недовольным дали покричать и покрасоваться в последний раз.

Вечером я связалась с родителями. У них все было более торжественно — в центре города прошел парад с участием БТР, которые солдаты передали ополченцам. На боевых машинах катали детей, а люди бросали защитникам цветы...

Июнь — июль 2014 года, Славянск

В последние дни осады жизнь в Славянске стала невыносимой. Обстрелы начинались ежедневно в три-четыре часа утра. Люди были лишены возможности выспаться. Присылаемая в город гуманитарная помощь была скудна, и ее на всех не хватало. За первые недели лета родители два раза получали крупы, макароны и сахар. Семьям с детьми досталось немного мяса.

Стало очевидно, что после потери горы Карачун ополченцам армию Украины не сдержать. Сдача Славянска была вопросом времени. В конце июня во время перемирия украинские военные также подтянули на позиции крупнокалиберные орудия. Город сотрясала агония.

Ополченцы оставили Славянск 5 июля. Они отошли почти до Донецка, забрав с собой все оружие. Украинская армия не предпринимала попыток их задержать. Поползли слухи, что Игорь Стрелков договорился с украинским командованием. Многие обвиняли его в предательстве.

А 6 июля украинские войска вышли на окраины Славянска. Несколько дней в городе царили хаос и мародерство. Грабили не только украинские солдаты, но и активизировавшиеся уголовники. Стало опасно выходить из дома. Разгулявшиеся укросолдаты цеплялись к прохожим, заставляли их кричать «Слава Украине!». Как-то отец, выйдя за покупками, столкнулся с боевой машиной ВСУ, из которой нарочито целились в прохожих из пулемета.

Осень 2014 года, Харьков

После окончания университета Андрей стал все чаще заговаривать о переезде в Россию. Он не поступил в аспирантуру, так как поссорился со своим научным руководителем. Профессор, человек известный в научных кругах, высказал мнение, что жители Донбасса сами виноваты в постигшей их печальной участи: в них не оказалось украинского национального самосознания. Андрей не сдержался и нагрубил наставнику.

Изначально я была против переезда. Мне не хотелось бросать Родину, менять привычный уклад жизни, расставаться с друзьями и близкими. Но надо было думать о своем будущем и о ребенке, родившемся в сентябре 2014 года. Мы с Андреем не желали, чтобы сына учили в школе кричать «Москалів на ножі», не хотели молча наблюдать за развалом страны...

В итоге в октябре 2014 года мы втроем сели на поезд Харьков — Москва и отправились навстречу новой жизни...

Послесловие. Ноябрь 2023 года, Курск

Сейчас мы с Андреем живем в городе Курске. Мы получили гражданство России, устроились на работу, взяли в ипотеку квартиру. Сын пошел в детский сад, а потом в школу. Мы — благополучная среднестатистическая семья.

Мои родители остались в Славянске. Они не захотели покидать родной дом. До начала пандемии коронавируса они каждый год приезжали к нам в гости. Почти ежедневно мы общаемся через интернет.

До сих пор оккупированный СБУ Славянск так до конца и не оправился от последствий войны. С 2014 по 2022 год закрылись все крупные заводы. Захирело производство посуды, которой издавна славился город. Санатории Славянского курорта (лечебный курорт и региональный ландшафтный парк возле города Славянск в оккупированной части Донецкой народной республики. — *Ред.*) заняли украинские военные. Те, кто не смог смириться с происходящим, уехали.

Большинство оставшихся жителей демонстративно поддерживают проукраинскую позицию. Кто-то разочаровался, кто-то подпал под влияние националистической пропаганды или скрывает свои убеждения, чтобы не попасть в лапы СБУ.

Начало российской Специальной военной операции 24 февраля 2022 года родители встретили спокойно, даже радостно. «Наконец-то будем в одной стране!» — одобрительно сказал мне отец. Они строили планы, как приедут к нам праздновать 9 Мая, а потом возьмут к себе внука на лето. Когда стало ясно, что боевые действия затянутся, родители не потеряли бодрости духа и сумели

приспособиться к новым условиям. Мы остаемся на связи и продолжаем надеяться на лучшее.

После переезда в Россию в 2014 году я забросила свой дневник. Тогда не все в нашей жизни шло гладко, были свои трудности, приходилось много работать и учиться. Возникавшие в связи с этим проблемы были решаемыми, обыденными, и мне казалось, что об этом не стоит писать. Но осенью 2022 года я слушала интервью политолога Семена Уралова, который рассказывал о когнитивных войнах — технологиях сведения с ума. Чтобы противостоять давлению на психику, он советовал вести дневник. Идея показалась мне разумной, и я возобновила записи.

Возможно, спустя какое-то время я смогу рассказать новые истории о жизни в курском «приграничье» и дописать для своих «Записок» счастливый конец. Верю, что когда-то смогу вернуться на свою несчастную Родину и помочь ей. А если для этого пригодятся мои скромные способности, буду счастлива повторить слова основателя Харьковского университета Василия Назаровича Каразина: «Блажен уже стократно, если случай поставил меня в возможность сделать малейшее добро любезной моей Украине, которой пользы столь тесно связаны с пользами исполинской России»³.

³ Цитата была выгравирована на памятнике В. Н. Каразину в Харькове, открытом в 1907 году и представляющем историческую и культурную ценность. В настоящее время цитата с упоминанием России ликвидирована.